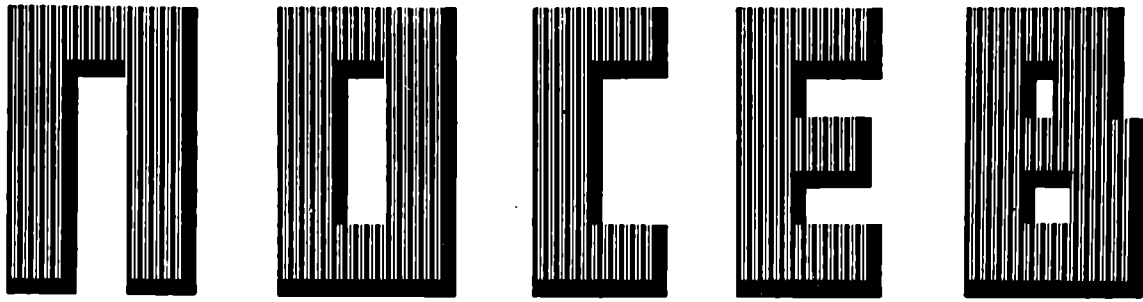

ГОД ИЗДАНИЯ XIX
№ 7 (874)ВОСКРЕСЕНЬЕ
17 ФЕВРАЛЯ 1963ГОЛОС РОССИЙСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ
ВЫХОДИТ ЗА РУБЕЖОМ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

Jahrgang 19 - Nr. 7 (874)

Russische Wochenzeitung POSSEV-DIE AUSSAAT · 6 Frankfurt am Main 1, Postfach 27 86

Sonntag, 17. 2. 1963

♦ РОССИЙСКОЕ РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ составляют все, кто ставят своей целью революционное свержение коммунистической власти и идут к этой цели путем одиночной борьбы или организуются в кружки, группы, объединения. ♦ НТС — НАРОДНО-ТРУДОВОЙ СОЮЗ (русский солидаристов) обладает революционной идеологией и стратегией, ведет революционную борьбу и тем способствует росту и организованности российского революционного движения. ♦ «ПОСЕВ» отражает и развивает идеи солидаризма, борется за осуществление политических стремлений российского революционного движения и издается при активном содействии НТС.

Беснование бесноватых

В сегодняшнем номере «Посева» публикуется сообщение, переданное редакцией журнала «Грани» в мировую печать, — сообщение о заточении органами КГБ в психиатрическую лечебницу писателя В. Я. Тарсиса, члена Союза писателей СССР, — автора «Сказания о синей мухе», убийственной сатиры на коммунистическое послесталинское общество. «Сказание о синей мухе» было автором тайно переслано за границу для опубликования и всего лишь несколько недель назад увидело свет — почти одновременно «Сказание» вышло книгой в издательстве Коллинс в Лондоне (вместе с другим произведением этого автора — «Красное и черное») и опубликовано на страницах журнала «Грани» № 52.

В сообщении редакции «Граней» также говорится, что недавно заключен властью в психиатрическую лечебницу за требование радикального изменения советской системы сельского хозяйства писатель-очеркист В. В. Овечкин, получивший несколько лет назад большую известность своей необычайно смелой постановкой вопроса о пороках колхозной

системы, о бедствующей российской деревне; высказывается обоснованное предположение, что ученый и писатель А. С. Есенин-Вольпин — автор стихов и «Свободного философского трактата», тайно пересланных им за границу и изданных в 1961 году в Нью-Йорке книгой под общим названием «Весенний лист», — снова брошен властью в дом для умалишенных; напоминает, что ленинградский писатель и скульптор М. А. Нарича, автор повести «Неспетая песня», тайно пересланной им за границу и опубликованной в № 48 журнала «Грани», и автор исключительного по силе обличения письма Хрущеву продолжает оставаться в психиатрической лечебнице, куда он был заперт органами КГБ после ареста и кратковременного пребывания в тюремной камере.

Эти факты — как знамения на небе страны! В каком боении народ, его лучшие интеллектуальные сыны! И какой нелепый вид, какая обреченность на лицах тюремщиков, пытающихся поймать в смиренную рубашку разлившийся по стране дух свободомыслия.

То, что коммунистическая власть обратилась к одному из самых подлейших способов оклеветания своих идейных и политических противников и расправы над ними — объявлению их сумасшедшими — отнюдь не ново в истории. Способ этот даже затаскан — и настолько, что молодые, еще сильные своей динамикой авторитарные режимы обычно предпочитают им не пользоваться, чтобы не компрометировать себя жалким паясничеством, «эпигонством».

К объявлению противников, критических личностей умственно ненормальными властвующие деспотии прибегали, как правило, тогда, когда обществом начинали завладевать новые идеи, а деспотические режимы обнаруживали свою гнилость, несостоятельность перед лицом требований исторического развития. Достаточно здесь сослаться на два примера из нашей отечественной истории. «Офици-

альное» консервативное общество двадцатых годов прошлого века «прославило» критическую личность Чацкого безумной как раз в то время, когда в тайных обществах декабристов работала деятельная революционная мысль и шла подготовка исторического выступления на Сенатской площади («Горе от ума» было написано в 1822—1824 годах). Правительство Николая I объявило философа Петра Чаадаева сумасшедшим за его «философические письма», за его идею справедливого общества как раз при формировании общественной мысли тридцатых-сороковых годов прошлого века, сыгравшей огромную роль в устранении крепостнического строя и явившейся, в сущности, истоком последующих революционных движений в России.

Подлая расправа руководства КПСС над писателями-правдолюбцами, проведенная явно по единому образцу, прежде всего говорит об одолевшем власть страхе перед фронтом всех фронтов — неумолимым развитием независимой, взрывчатой общественной мысли в стране, все более настойчивым громом подобным звучанием вольного слова, призывающего к «переоценке ценностей» до конца! Власть хорошо понимает, что если верно марксово определение, что революция — это локомотив истории, то вольное слово — зажигание революций.

Этим объясняется и сегодняшний метод расправы власти над писателями, возведенный ею в систему. Мысль — идею расстрелять нельзя, ее надо попытаться скомпрометировать. Надо посадить ее в смиренную рубашку, авось кто-нибудь поверит, что она сумасшедшая.

*

Но тех, кто поверил бы этому затасканному жандармскими режимами всех времен трюку, не найдется в нашем народе.

бы разбудить к новой жизни молодое поколение и очистить детей, рожденных в среде палачества и раболепства».

Солдат и певцов революции, достойных таких богатырей, рождает сегодняшнее время в стране.

Глашатаи правды выходят вперед. Бессмысленны и жалки попытки власти изобрести еще один ярлык, объявить их сумасшедшими. Их слово — ясное, неотразимое, призывное — уже известно стране.

Преследуемые писатели, кстати, сами предупреждали о том, что власть против них пустит в ход оружие клеветы, и даже точно предвидели гнусный фарс с помещением в психиатрические лечебницы — свидетельство отличного знания ими современных нравов и приемов диктатуры.

Михаил Нарича в своем письме Хрущеву писал:

«Одним из способов недостойной борьбы является клевета: зачем говорить, что мы не можем напечатать ваш роман по политическим соображениям (а где же тогда свобода!), гораздо выгоднее сказать, что роман слаб и не заслуживает внимания народа и материальных затрат на его издание...»

В. Я. Тарсис в «Сказании о синей мухе», говоря о судьбе своего героя Синемухова, прозревшего и восставшего, как бы предсказал собственную судьбу. Несколько раз в произведении звучит предупреждение, что Синемухова могут объявить сумасшедшим. «У нас в России на этот счет имеется солидная традиция». Объявить сумасшедшим в частности за такой его ответ словами Шатова на сетования чекиста Архангелова, что «он от всех отшатнулся, от великих учителей, идей, всего, что для нас свято»:

«Кого я бросил? Врагов живой жизни, боящихся собственной независимости, лакеев мысли, врагов личности и свободы, проповедников мертвячины и тухлятины».

Трудно, очень трудно будет лакеям власти из медицинско-го мира на основе анализа подобных «речевых особенностей» героя «Сказания» составить свидетельство об умалишенности его автора...

А вот у власти действительно все признаки поприщинского заболевания. От страха и всяческих расстройств. «Речь» Хрущева на «встрече» 17 декабря 1962 года до сих пор не опубликована: «обработчикам» до сих пор не удалось придать бессвязным выкрикам Хрущева (что и было названо в газетах «речью Н. С. Хрущева») какой-нибудь смысл.

Вероятно потому, что какое из изречений Хрущева ни возьми — выходит совершенно по гоголевскому Поприщину: луну делают в Гамбурге.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ

- ♦ Сообщение журнала «Грани» о преследовании писателей.
- ♦ Валерий Тарсис. Из «Сказания о синей мухе»
- ♦ М. А. Нарича. Из письма Хрущеву
- ♦ М. Мхеидзе. Не лечебница, так тюрьма!
- ♦ А. Есенин-Вольпин. Четыре стихотворения
- ♦ Я. Марков. Он «лег перед трактором»
- ♦ Лев Рар. Услужливый Ермаков опаснее врага
- ♦ Н. Рутыч. Наступление началось на Волге
- ♦ Д. Шагаров. Советская отчизна — мать или мачеха?
- ♦ А. Н. Переворот в Ираке
- ♦ У. Павленко. Разногласия в шведской КП

Со смирительной рубашкой против писателей

Редакция „Грани“ сообщает: автор „Сказания о синей мухе“ В. Тарсис и писатель В. Овечкин заключены в психиатрическую лечебницу

Редакция журнала „Грани“ передала на днях телеграфным агентствам, крупным газетам и радио сообщение о судьбе автора „Сказания о синей мухе“ — произведения из литературного подполья в СССР, напечатанного в последнем, 52-ом, номере журнала. Сообщение редакции „Грани“ привлекает внимание мирового общественного мнения также к судьбе писателей М. Нариса, Есенина-Вольпина и В. Овечкина.

Соответствующее сообщение на ту же тему было передано представителям печати и радио в Лондоне издательством „Коллингс“.

I

Русский писатель-прозаик Валерий Яковлевич Тарсис, член Союза писателей СССР, 23 августа 1962 года был взят органами КГБ из своей квартиры (Москва Д-167, улица Чернышевского, дом № 4 — бывший 2-й Аэропорт, дом 7-15 — квартира 79, 5-й этаж, телефон Д 7-51-93) и насильственно заключен в психиатрическую лечебницу (клиническая психоневрологическая больница им. П. П. Кащенко, Москва, Загороднее шоссе № 2, телефоны: справочная — В 2-35-65, главный врач — В 2-28-46, приемная — В 2-28-04). Будучи совершенно здоровым и нормальным человеком, он настаивал на своем освобождении и, в частности, отказывался принимать лекарства и не позволял применять к себе различные „методы лечения“. В. Я. Тарсис был заперт в дом для умалишенных за то, что переслал за границу для опубликования рукописи нескольких своих произведений. Семье до сих пор не удалось добиться освобождения его из лечебницы.

В течение 1961 года за границу разными путями попали в нескольких экземплярах рукописи пяти произведений В. Я. Тарсиса. Последний выразил категорическое пожелание, чтобы они были опубликованы под его именем. Это его решение не поколебали грозившие репрессии, которые он и предвидел. В писательских кругах Москвы было известно, что В. Я. Тарсис отправил свои рукописи за границу для публикации.

До сих пор за границей вышли два произведения:

«Сказание о синей мухе» — философская сатира на постсталинское общество, прежде всего на правящий коммунистический класс. Для этого произведения характерны уничтожающая обрисовка нынешних «вождей» коммунизма, показанные во всей наготе коммунистические нравы, логически доведенная до беспросветного тупика коммунистическая идеология.

«Красное и черное» — романизированная биография советского писателя Виноградова, автора широко известной перед войной книги о Стендале «Три цвета времени», выведенной в произведении под фамилией Абрикосов.

Английское издательство Коллингс выпустило книгу с обоими произведениями на английском языке в ноябре 1962 года („Blue bottle“ by Ivan Valerij, „Collins“, London, 1962). В декабре 1962 года «Сказание о синей мухе» было опубликовано по-русски в № 52 журнала «Грани». В ближайшем времени эти произведения будут выпущены отдельной книгой по-русски издательством «Посев» и выйдут по-французски во Франции и по-английски в США.

II

Насильственное заключение в психиатрическую лечебницу В. Я. Тарсиса — не случайное явление. В настоящее время власть применяет этот метод, как систему в борьбе с писателями, не идущими на компромисс с совестью.

Приведем примеры.

«Дело Нариса». Скульптор и преподаватель Ленинградского художественного училища имени Репина Михаил Александрович Нариса, переславший свою повесть «Неспетая песня» для опубликования за границу и написавший открытое письмо Хрущеву, был в октябре 1961 года заключен в ленинградскую психиатрическую лечебницу и до сих пор находится в ней. В своем письме Хрущеву М. А. Нариса писал: «У нас художникам не разрешается самостоятельно мыслить, им разрешается только пользоваться готовыми формулами казенного мышления. Отсюда у нас такое чудовищное однообразие и в журналистике и в искусстве, отсюда в искусстве истинная эмоциональность заменена притворством...»

В «Неспетой песне» автор описывает преследования в период «культ личности» и свое пребывание в концлагере. Его повесть была опубликована по-русски в № 48 журнала «Грани», по-немецки вышла отдельной книгой в издательстве «Дойче Ферлаг-Анпгальт» (Штутгарт), по-гречески появилась в издании „Аросеуматин“. Предстоит выход этой повести во французском издательстве „Seuil“ и в голландском издательстве „Brupa & Zoop“.

«Дело Есенина-Вольпина». Ученый — математик и физик Александр Сергеевич Есенин-Вольпин (сын знаменитого русского поэта Сергея Есенина), посаженный за свои стихи еще в 1950 году в больницу для душевнобольных и посланный затем в концлагерь, передал за границу в 1959 году эти стихи и «Свободный философский трактат» (критика материализма и марксизма). Эти произведения были изданы в 1961 году в США под названием «Весенний лист» двойным русско-английским текстом в издательстве «Фредерик А. Прегер» в Нью-Йорке. Секретарь ЦК КПСС Ильичев в своей речи 17 декабря 1962 года в Москве назвал эту книгу «бредом душевнобольного». Эти слова означают, что А. С. Есенин-Вольпин снова объявлен сумасшедшим и, вероятно, заключен в психиатрическую больницу. Лживость утверждения Ильичева о ненормальности А. С. Есенина-Вольпина разоблачается публикацией в партийном журнале «Вопросы философии» (№ 11 за 1962 г.) за месяц до речи Ильичева отчета о выступлении Есенина-Вольпина на конференции по философским вопросам кибернетики.

«Дело Овечкина». Известный писатель Валентин Владимирович Овечкин, автор интереснейших очерков о жизни сегодняшней деревни — «Районные будни», член редколлегии журнала «Новый мир», в результате изучения колхозной жизни, пришел к выводам о необходимости радикального изменения советской системы сельского хозяйства, несколько раз открыто выступал по этому поводу и подал в ЦК КПСС записку, направленную против нового «культ личности». Осенью 1962 года он был объявлен нервным больным и помещен в лечебницу.

III

1961—1962 годы — это годы развернутого наступления на власть на литературном фронте. Ведущую роль в этом наступлении играют честные бескомпромиссные литераторы и революционно настроенная литературная молодежь. В своем наступлении они пользуются двумя методами:

1) изданием и распространением в стране подпольных сборников («Синтаксис», «Бумеранг», «Феникс», «Спираль», «Коктейль» и др.) и

2) пересылкой за границу своих произведений для опубликования («Доктор Живаго» Б. Пастернака, сборник стихов Б. Слуцкого, «Неспетая песня» М. Нариса, «Свободный философский трактат» А. Есенина-Вольпина, «Сказание о синей мухе» В. Тарсиса и др.).

Только благодаря этому наступлению власть пошла на союз с ревизионистской группой писателей (Твардовский и др.), допуская печатание произведений, подобных повести А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича».

Молодых поэтов и писателей, талантливых, но еще не пользующихся широкой известностью, власть бросает в тюрьмы или загоняет в концлагери. Так она поступила с редактором «Синтаксиса» Гинсбургом, с Владимиром Осиповым («Бумеранг»), с духовным вождем группы «Феникс» Галансковым и многими другими. Людей, уже создавших себе имя в той или иной области творческой деятельности, власть объявляет сумасшедшими, боясь открыто признать их своими идейными и политическими противниками. Так она поступила с Нариса, Овечкиным, Есениным-Вольпиным, Тарсисом.

Пытаясь создать видимость «широкой либерализации» и скрыть обостряющуюся борьбу против партийного диктата, власть выпускает за границу пошедших на компромисс «фрондеров», собирая таким типом которых является Евтушенко. Советское правительство пытается отвлечь внимание от вопиющих случаев издевательств над человеком-творцом потому, что знает, что в нынешней обстановке широкое освещение этих фактов в западной прессе и активность западного общественного мнения (как это было, например, в деле Пастернака) вызовет громкий резонанс в Советском Союзе.

тойчивый, как у эталона, хранящегося в палате мер и весов. У Акациева — порывисто-восторженный, но не опасный ни для общества, ни для него, поскольку эта черта не проявлялась в самостоятельном творчестве, а лишь в упоительном и самозабвенном цитировании текстов, которые Дубов произносил в оптимистически-назидательном тоне, а Осиневатый — трепеща и припадая, как лист, напоминающий его фамилию.

Их ученая деятельность состояла только в выуживании цитат, их засылке, хранении, а также в комментировании и в отдельных случаях — в смаковании цитированного текста на страх врагам, подобно тому, как человек высасывает мозговые кости под аккомпанемент враждебного и завистливого урчания псов и котов. Высказывание самостоятельных мыслей они считали выходками ревизионистов и нигилистов.

Впоследствии, став изменником, как его называли столпы, Иоанн Синемухов ядовито писал:

«Эти философы, клявшиеся на каждом шагу Марксом, как правдоверные — бородой Магомета, твердившие, как попугаи, что марксизм не догма, а руководство к действию, доказали на практике, что их марксизм — каменная скрижаль, руководство к бездействию или к злодейству».

Необходимо также отметить трусливую беспринципную позицию профессора Синемухова, который развивал свою теорию разумной дисциплины и, как слепорожденный, не увидел, что социалистическая дисциплина ничего общего не имеет ни с свободой, ни с равенством, ни с справедливостью. Получилась пародия, да еще злостная...

Эта статья, опубликованная тотчас же после двадцатого съезда партии, может быть даже нарочито, оказалась камнем, разбившим вконец относительное благополучие Ивана Синемухова, с тех пор ставшего окончательно и бесповоротно Иоанном Синемуховым.

Всё это началось в доме Ивана Ивановича, когда в одну из суббот Акациев, Дубов и Осиневатый пришли сыграть очередную полку, а заодно и посудачить или, как они выражались, потрепаться на невинные темы.

Они только сделали вид, что пришли как в обычную субботу.

Впрочем, сегодня гости и не намеревались играть в преферанс, судачить и пить цинандали. Ведь они пришли в последний раз — хлопнуть дверью.

Хозяин знал это и даже испытывал некоторый задор, как бывалый воин перед сражением.

Может быть странно, что такое ничтожное происшествие, как убийство синей мухи, произвело переворот в душе философа. Но мало ли странностей в этом мире, который Иоанн Синемухов совсем не склонен был считать лучшим из миров?

При одном взгляде на гостей хозяин почувствовал, что они сделают все от них зависящее, — а зависело от них очень многое: Дубов был деканом, — чтоб не дать ему возможности совершить великие дела. И вовсе не потому, что их обдумали, проанализировали и признали вредными. Они даже толком и не знали, что именно замыслил Синемухов, однако не сомневались в том, что замыслимое им направ-

ИЗ „СКАЗАНИЯ О СИНЕЙ МУХИ“

Валерий Тарсис

Этот отрывок из «Сказания о синей мухе» описывает посещение героя произведения Архангеловым (чекистом).

Пророчески звучат здесь места, в которых Архангелов утверждает, что Синемухов болен...

В развернувшихся событиях, кроме уже известных вам лиц, приняли участие товарищи Ивана Ива-

новича по институту — Акациев, Дубов и Осиневатый. Все они были ровесники, всех звали одинаково — Иван Иванович. Все трое обладали примерно одинаковой наружностью, более или менее плотные, с умеренными животиками, солидной плешью, стыдливо прикрытой зачесами жидких волос, одинаковыми

взглядами, идеями, окладами, положением в обществе. Все, как они сами говорили, были рядовыми членами партии. Но характеры при всем том были у них настолько различными, что по звучанию речи можно было догадаться, кто из них говорит. У Дубова был характер неукротимо-положительный и ус-

лено против всего того, на чем зиждилось их житейское благополучие. Если восторгается Синемухов, они лишаются всех привилегий, а какое им дело до того, что народ при этом получит множество благ.

Они приняли твердое решение работы его не публиковать — им уже известно было, что Синемухов завершает свой новый труд, носивший претенциозное название — «Социализм истинный и ложный» — они знали, какой социализм он называет ложным. Как он только осмелился! Самая попытка произвести переворот в мировоззрении, предпринятая не сверху, а каким-то неизвестным демагогом, чревата опасными последствиями.

Они приняли твердое решение не допустить также, чтобы руководители партии ознакомились с его работой; для этого они сговорились с известными им докладчиками, главная цель которых состояла в том, чтобы никого не допускать к руководителям, излагали им все в ложном свете.

Синемухов их тоже знал. Даже пытался с некоторыми из них говорить. Особенно ему запомнился Михаил Михайлович Архангелов. Это был тонкий невысокий человек лет сорока, с лицом отроческим, иконописным и болезненным, с нежными голубыми глазами мученика, в которых однако порой всплывали светлые льдинки мучителя, — на вид ему можно было дать двадцать семь.

Разговор с ним так потряс Синемухова, что он уж не мог его забыть до конца своих дней.

Архангелов вызвал его как раз по поводу этой пресловутой статьи. Но говорить о ней не стал, как будто ее вообще не существовало. Не упомянул и о книге, о которой тоже был осведомлен. Архангелов был вообще человек широко осведомленный и мог бы рассказать множество интереснейших вещей о том, что думает народ, о том, что происходит за стенами монументального здания на Старой площади. Это был безупречно честный человек. Превыше всего для него были интересы партии. Партийная жизнь и жизнь вообще для него были синонимами. Никогда и ни в чем не сомневался Михаил Архангелов. Самые потрясающие события не выводили его из состояния невозмутимого спокойствия. Он никогда не повышал своего тихого голоса. Не потому, что сдерживал себя — он просто не испытывал ни гнева, ни раздражения, не вскипал, не отходил, и Синемухов не мог бы себе представить, что Архангелов вдруг загорелся от страсти, зарыдал от горя, и вообще, что он может быть мужем, отцом, другом, всем чем угодно, кроме партийного работника. Это была особая порода людей, их облик стал для него ясен, когда он познакомился и с другими деятелями, например, Труворовым, Огладичем, Сытниковым, Курокаповым.

Разговор с Архангеловым он запомнил навсегда.

— Товарищи говорят, — говорил Архангелов своим ласковым голосом иезуита, — что вы отрываетесь от коллектива, игнорируете партийные собрания.

— Я очень занят, пишу большую работу — это будет новое слово в философии.

— Должно быть, вы болеете, если не приходите на собрание.

— Нет... Я работаю день и ночь. И я надеюсь, что мой труд принесет...

Архангелов глядел на него широко открытыми глазами, в которых всплывали белые льдинки. Это

всегда случалось, когда ему приходилось выслушивать нечто, с его точки зрения, непозволительное. Поэтому нет ничего удивительного в том, что на Синемухова он смотрел с явным сожалением.

— Вы должны придти на собрание, коллектив поможет вам разобраться.

— Но у меня нет времени заниматься болтовней с дураками и иезуитами. Они могут только принести вред и делу и мне.

— Вы больны, товарищ Синемухов, — сказал Архангелов тем ласковым голосом, который приводел Ивана Ивановича в содрогание, — вы больны, вам нужно лечиться.

— Я уже не Синемухов, а Синемухов, — сказал Иван Иванович и вдруг увидел в окне низкое серенькое небо, запыленный тополь с порывавшимися и всклокоченными листьями, такими редкими, беспомощными и мокрыми от недавнего дождя. Надрывно гудел печальный октябрьский ветер. Иван Иванович неожиданно стал думать об этом тополе, который казался ему вечным и неизменным, но в своей неизменности дразняще-непостоянным, как иллюзионист на все той же пыльной эстраде с линияльными небесами и облезлой декорацией.

Уже не глядя на Архангелова, он сказал:

— Да... Невозможно одному человеку понять другого. Как же тогда — партии, народы? Выходит, что и человечества нет, а сборище глухих...

— Вы больны, товарищ Синемухов, — с неизменной интонацией тренированного попугая, не меняя выражения лица, говорил Архангелов. — Давайте условимся — вы в среду придете на собрание, я тоже приду, и мы всё уладим...

Он встал, а это означало, что разговор окончен.

Может быть, Архангелов был смущен небывалым поведением Синемухова. У него был большой практический опыт. И всегда он видел перед собой людей понятных, привычных, смотревших на него, как на начальника, — они говорили тщательно продуманные вещи, в которых не было ничего из ряда вон выходящего, и вообще на свое звание коммуниста смотрели как на должность по совместительству. Что между ними могла быть разница в убеждениях, даже в оттенках взглядов, — он не представлял себе. Инакомыслящий — это враг, хотя бы он даже думал о том, как скорее и лучше построить коммунизм.

Уходя от него, Синемухов уже забыл о том, что сам говорил, а только с ужасом думал, что Архангелов и другие, стоящие за ним, ничего не понимают в том, что происходит в душах людей, с равнодушием палачей уродуют их судьбы и являются серьезной преградой, которая надолго задержит движение к коммунизму и даже могут повернуть вспять колесо истории. Шаг назад уже сделали в главном — формировании человеческих душ. Большинство коммунистов превратились в отвратительных чиновников, бюрократов, каких свет не видел. «Тщеславие, тщеславие, тщеславие везде — даже на краю гроба и между людьми, готовыми к смерти из-за высокого убеждения. Тщеславие! Должно быть, оно есть характеристическая черта и особенная болезнь нашего века». Уже в который раз вспомнились слова Льва Толстого, и сегодня они ему показались еще более злобными, чем в те отдаленные времена.

Письмо М. А. Нарича Хрущеву

Письмо М. А. Нарича Хрущеву фигурирует бесспорно в качестве главного материала обвинения его в сумасшествии. Сегодня мы печатаем его в сокращенном виде, но оно не теряет из-за этого своей силы.

Никита Сергеевич, в начале августа я был задержан в Эрмитаже тайными сотрудниками государственных органов... после передачи рукописи моего романа «Неспетая песня» одному из членов французской делегации, приехавшей из Парижа в автобусе. В этом экземпляре рукописи, брошенном перепуганной французской на пол (ее также задержали), не было моей фамилии, так как я не был уверен в успехе передачи пакета этой делегации. Это дало мне возможность временно отрицать свое авторство. (На то, чтобы так поступить, у меня были некоторые соображения).

У меня есть теперь основания быть спокойным за судьбу своего романа. Возможно, Вы еще не читали его. Я высылаю Вам в этом конверте один экземпляр, который немного более отредактирован и не вполне совпадает с тем, который я неудачно передал...

Вам невозможно обвинить меня в клевете на советскую действительность. Она у меня несколько облагорожена, ибо «литературе слишком присуще чувство меры и приличия, чтобы она могла взять на себя задачу с точностью воспроизвести карикатуру действительности» (Салтыков-Щедрин). Да и задачей своей я поставил изобразить не столько истерзанное тело, сколько истерзанную душу; трагедию гения и торжество пошлости, ведущей к гибели всё человечество. Я показал ничтожность идей, разъедающих государства, и ничтожность интересов, толкающих мир к последней войне: после нее уже некому будет воевать, некому будет жить. К капитализму я отношусь как к безнравственной и разлагающей системе, но то, что Вы называете социализмом — всего лишь разновидность капитализма...

У нас художникам не разрешается самостоятельно мыслить, им разрешается только пользоваться готовыми формулами казенного мышления. Отсюда у нас такое чудовищное однообразие и в журналистике и в искусстве, отсюда в искусстве истинная эмоциональность заменена притворством, отсюда ничтожность идей («мелкотемье»), пустословие, поверхностное репортёрство. Поэтому художники бессильны что-либо сделать кроме поверхностных и посредственных иллюстраций к истории партии.

Неужели Вы сами не видите, что в прославленном произведении прославленного писателя, в «Поднятой целине» не изображено ни одного умного человека, нет ни одной стоящей мысли, что она вся заполнена «дешевым балаганным вздором»?

Кто-то из вас говорил, что нам нужны свои щедрин и гоголи. Это пустые слова! Вы сами недавно ратовали за «лакировщиков». Я понял Ваши слова так: не ваше, мол, дело, писатели, совать свой нос в наши ошибки и промахи; мы и сами покритикуем себя, как нам это заблагорассудится.

Меня скорее можно упрекнуть в приглаживании действительности, чем в сгущении красок. Всё дело в том, что я мыслю иначе, чем это разрешается государственным стандартом. Однако Вы претендуете на то, чтобы вашу страну называли подлинно свободной и даже считали себя (свою партию) умом, совестью и честью нашей эпохи. А настоящий ум не боится контакта с другими умами. Только в атмосфере честной и открытой борьбы и открытого заимствования здоровых элементов и чужих взглядов и могут развиваться передовые идеи. А настоящая совесть!.. Может ли она свободному взаимодействию идей мешать силой оружия, шантажом или хитростью?!

И если Вы серьезно претендуете на роль носителей ума, чести и совести (а к этому Вас обязывает ваше положение и угроза всеобщей гибели), то примите мой вызов на честную, открытую борьбу в одних вопросах и честное сотрудничество — в других.

Одним из способов недостойной борьбы является клевета: зачем говорить, что мы не можем напечатать ваш роман по политическим соображениям (а где же тогда свобода!), гораздо выгоднее сказать, что роман слаб и не заслуживает внимания народа и материальных затрат на его издание...

НЕ ЛЕЧЕБНИЦА, ТАК, ТЮРЬМА!

НОВЫЕ НАПАДКИ НА А. С. ЕСЕНИНА-ВОЛЬПИНА

Поэт и ученый Александр Сергеевич Есенин-Вольпин занимает особое положение среди тех борцов за правду и свободу, с которыми партия борется смиренной рубашкой. Всех других замалчивают, а о Есенине-Вольпине говорил Ильичев, а Есенин написал И. Шатуновский в 4-ом номере «Огонька» от 20 января с. г.

Написал он совершенно неприличные «Заметки фельетониста», назвав их «Из биографии подлеца». Шатуновский известен тем, что пользуется для своего «творчества» материалами КГБ. Судя по его «творчеству», он — штатный сотрудник органов, ибо иногда обрабатывает материал уже «законченного дела», а иногда, наоборот, так преподносит материал, что облегчает органам начало дела. В данном случае Шатуновский выступает в своем втором — наиболее грязном качестве.

Он вспоминает, что несколько лет назад «изучал по заданию редакции» «быт небольшой группы московских оболтусов, тогда только появившихся в подъездах центральных гостиниц и у боль-

шого фонтана ГУМа». Он утверждает, что «в головах у этих мальчиков не было никаких мыслей и убеждений. Мальчики зарабатывали деньги»... Утверждение, что он познакомился с их спекуляцией с иностранцами в быту, он опровергает сам, напоминая, что написал три фельетона о двух из них — Вячеславе Репникове и Ростиславе Рыбкине, которых, по его словам, завербовала американская разведка. Трудно предположить, что Шатуновский столь умелый сыщик, чтобы данные об этой стороне деятельности у него могли быть не от КГБ.

Так вот, теперь Шатуновский утверждает, что «почти на каждой странице» своего старого блокнота времен разбора этого дела встречается «знакомую фамилию Есенин-Вольпин».

Шатуновский, конечно, не может утверждать, что Есенин-Вольпин интересовался «импортными подтяжками» и говорит, что «он выпрашивал у них (иностранцев. — М. М.) антисоветскую литературу, которую они привозили тайком, и распространял ее среди стилиг».

Шатуновский пишет: «Вскоре Репни-

щев. И первым его словом было прославление «гениального сталинского руководства» выигранным сражением.

*

Грандиозная победа на Волге открыла столь же грандиозные перспективы. Но перспективы открылись разные — одни перед коммунистической партией, а другие перед народом. С битвы на Волге ярко проявляется расхождение между народом и властью, расхождение, скрытое до тех пор сталинским террором. Победа на Волге была первым ударом меча, рубящего цепи этого террора. И расхождение с тех пор непрерывно растет.

С одной стороны, Сталинград был сталинской, партийной, коммунистической победой. Все усилия пропаганды, все усилия фальсификации были брошены в доказательство этого тезиса.

Используя победу под городом, носившим его имя, Сталин открыл двери для ленинской доктрины вне-сения революции извне в страны Восточной Европы. Под свой Сталинград Сталин получил политическую индульгенцию Рузвельта. Под флагом Сталинграда коммунистические партии Западной Европы стали под названием движений сопротивления создавать новую вооруженную форму «народного фронта». Короче, — Сталинград стал отправным пунктом для создания коммунистической империи.

В мире хорошо «отметили» эту сторону победы. Под нее многие, даже не согласные с рузвельтовской индульгенцией, поспешили подвести, так сказать, теоретическую базу. Они стали говорить, что русский человек перевоспитан партией и стал «homo sovieticus». Они стали соглашаться с коммунистической

пропагандой, утверждая, что русские любят коммунизм и что революции в коммунистической империи невозможны.

Но, с другой стороны, битва на Волге окончательно завершила психологический перелом, начавшийся еще осенью 1941 года. Народ и армия начали освобождаться от мифа всеилия коммунистической диктатуры. Быстро распался интернационалистический обруч, мешавший возрождению национальной культуры и сознания. Все больше и больше развивалась тяга к православной Церкви, как источнику высших моральных и духовных ценностей.

Власть вынуждена была пойти на уступки. Они известны и могут быть перечислены все вплоть до второй десталинизации. Но они начались во время сражений под Москвой и на Волге. Маневрируя, власть отступает все дальше и дальше. Развилка между партийной победой под Сталинградом и народной битвой на Волге делается все шире и шире. Она вызывает, в свою очередь, потрясения и трещины в коммунистической империи. Уступки КПСС народу, например, вызвали конфликт КПСС—КПК. Такова диалектика процесса, начавшегося 20 лет назад. Процесс этот не кончился, но конечный его итог ясен, ибо все меньше и меньше становится тех, кто продолжает судорожно цепляться за Сталинград, ища в нем оправдания для своей диктатуры над народом, ибо все больше и больше становится тех, кто видит в сражении на Волге начало пути освобождения России. 20 лет назад от Волги началось великое наступление. От психологического перелома в России во время войны началось революционное движение. Оно продолжает наступать.

Советская отчизна — мать или мачеха?

О ПРОДОЛЖАЮЩЕМСЯ ПРЕСЛЕДОВАНИИ НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ

31 января по Большой Грузинской улице в Москве быстро шли два человека. Около здания посольства Германской Федеративной Республики они внезапно остановились и нажали на кнопку звонка. В тот же момент к ним бросились «охраняющие» посольство милиционеры. «Ваши документы» — потребовали они. В это время дверь посольства отворилась и один из звонивших, оттолкнув милиционера, вбежал внутрь. Милиционер кинулся за ним в здание посольства. Второй милиционер не пропустил в здание другого посетителя. Служащие посольства немедленно выпроводили ворвавшегося милиционера, нарушившего своим поступком экстерриториальность посольства.

Посетитель пробыл в посольстве недолго. Он сообщил, что является немцем Поволжья и проживает сейчас в Перми. Вместе с братом они приехали в Москву, чтобы подать в посольство ГФР прошение о въездных визах в Западную Германию. Когда он вышел из здания посольства, его брата нигде не было видно: милиция арестовала его.

Посольство ГФР вручило МИД СССР протест против действий советской милиции. Сообщают, что поставленные якобы для охраны милиционеры у дверей иностранных посольств пропускают теперь только тех посетителей, у которых есть «пропуск», выданный советскими органами власти.

Этот случай стал широко известен на Западе из немецких сообщений. Коммунистическая печать о нем молчит. Но и в ней появляются сообщения о том, каким преследованиям подвергаются немцы Поволжья и другие советские граждане иностранного происхождения, которые хотя и воспользовались этим своим происхождением, чтобы выбраться за границу. Приведем один только пример.

Иоганн Константинович Лоос проживал в Поволжье, где его предки поселились еще во времена Екатерины Великой. Когда разразилась война, ему было 20 лет и он думал, что его призовут в армию. Как и большинство немцев Поволжья, он говорил дома по-немецки, на том особом волжском диалекте, который выработался у его сородичей. Но он считал Россию своей родиной. Его отец воевал против кайзеровской Германии в Первую войну.

Однако его не призвали. Вместо этого он оказался «неблагонадежным» и подвергся репрессиям вместе со всем населением так называемой Автономной республики немцев Поволжья. Как известно, сама республика была внезапно ликвидирована, а все ее жители отправлены на принудительное поселение на север и восток страны. Иоганн Константинович попал в Акмолинскую область, но не был

оставлен там на свободе: он был оп-ределен в специальный рабочий батальон, куда брали таких неблагонадежных, как он, и где он находился на полуарестантском положении. Из батальона он пробовал бежать, но был пойман и в мае 1943 года как дезертир отправлен в концлагерь.

После смерти Сталина он был освобожден, без права, однако, возвращаться в родные места. Он попал в Казахстан, где стал работать бухгалтером музыкального училища в Караганде, а затем помощником главного бухгалтера Казахского сельскохозяйственного института. Он четко выполнял свои обязанности, что вынуждены подтвердить даже те, кто обрушился на него в советских газетах. Вот что они писали:

«Вот уже второй год этот человек каждое утро появляется в бухгалтерии Казахского сельскохозяйственного института, садится за свой стол и начинает считать. Дело свое он ведет исправно, без упреков. Но сослуживцы сторонятся его. Уж очень сухой, угрюмый какой-то. (Вряд ли это удивительно! — Д. Ш.). Ни поговорить с ним, ни посмеяться».

Но относятся к нему с уважением. Кому какое дело до характера. Ему прощают даже такие странности, как игнорирование профсоюзной организации. Однажды избрали его в местный комитет. Вдруг выяснилось, что он не член профсоюза. Ладно, сказали ему, выводить не будем, только вступи в профсоюз. И этот человек не вступил. То ли денег жалел на взносы, то ли по другим неизвестным причинам.

Видимо, не узнали бы ничего больше об этом человеке, не приди ему повестка в суд, куда он приплатился держать ответ за нарушение паспортного режима».

В чем же выразилось это нарушение? Оказывается, поехал в Алма-Ату, чтобы лично передать в Верховный совет Казахской ССР мотивированное требование разрешить ему выехать в Западную Германию. Ему сказали, что в случае подачи такого заявления ему придется сдать в паспортный отдел паспорта семьи, что он сразу же и сделал. С тех пор он жил без паспорта, чем и нарушил «советскую законность».

«Повестка в суд вызвала в бухгалтерии института беспокойство. Было созвано общее собрание.

— Ну, рассказывай, — потребовали сослуживцы, — что там у тебя стряслось?

Грустный, с полным красным лицом, человек медленно приподнялся, окинул неприязненным взглядом зал, резко опустил глаза.

— В Европу хочу выехать.

Сказал и сел, спрятавшись за спины

пораженных до глубины души сослуживцев...»

Иоганн Константинович Лоос, естественно, никому не рассказывал о своих намерениях. Ведь даже в Верховный совет Казахской ССР он писал: «Может, нас за такую просьбу, за такое требование презирают. Иногда похоже на это...»

Атака на Иоганна Константиновича шла по всему фронту. Министрство охраны общественного порядка вызвало дочь жены Лооса от первого брака Ольгу и добилось от нее, что она взяла свой паспорт обратно и подписала письмо, в котором отказывается от своих родителей: «Воспитывают они меня не по-советски, настаивают на выезде из Советского Союза в Западную Германию», написала она.

Казахские газеты сообщают, что «коллектив института на своем собрании единодушно осудил поведение Лооса и потребовал призвать его к ответу за нарушение законов...». Газеты, конечно, соглашались с требованием общего собрания и нет сомнения в том, что разрешения на выезд ему пока что не видать. Газеты представляют Лооса как отвергнутого всем обществом, как поставившего себя вне его, как совершившего какое-то тяжкое преступление. Возвращаясь к его прошлому, они забывают, как без всякой вины был он в начале войны репрессирован и изгнан из родного Поволжья. Все это он, по их мнению, должен был забыть, когда попал в современные арестантские роты — в рабочий батальон:

«Казалось, помогай Отчизне, породившей и вырастившей тебя. Ведь что может быть дороже нашей Советской Отчизны, где каждый человек тебе друг и брат, где ты поистине свободен...»

Газеты издеваются над теми национальными чувствами, о которых говорит Лоос, считая, что после двух почти столетий, проведенных его предками в России, у него нет оснований стремиться в Германию.

Это и было так. Отец Лооса, как мы уже говорили, честно воевал против Германии и в нее не стремился. Однако злой мачехой обернулась для Лооса и всех немцев Поволжья «советская родина». Ведь не сделано даже минимума для заглаживания коммунистических преступлений против них. Несмотря на всю вакханалию с исправлением ошибок времен «культы личности», республика немцев Поволжья не восстановлена и тем из них, кто остался в живых, не удалось вернуться в родные места и жить мало-мальски по-своему.

Д. ШАГАРОВ

Щ С Л У Ш А Й Н Т С Щ

ЕЖЕДНЕВНЫЕ РАДИОПЕРЕДАЧИ

В ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ по московскому времени:

от 12 до 17 и от 18 до 23 часов
на коротких волнах в диапазонах 26 и 46,9 метра или 11,55 и 6,40 мГц,
а также в 01.30 и 16.30 в течение 15 минут
на короткой волне в 31,12 метра или 9,64 мГц.

В АЗИАТСКОЙ РОССИИ по хабаровскому времени:

с 01.10 в течение 20 минут на коротких волнах
в диапазонах 13; 19; 25; 31 и 41 метр (в Москве в это время 18.10, а в Новосибирске 22.10 ч.),
а также с 8.30 и 23.30 в течение 15 минут
на короткой волне в 31,12 метра или 9,64 мГц.
Уходя от глушения, радиостанция несколько меняет длину волны.

Пишите нам по адресу: Postbus 902, Rotterdam, Holland.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ПОСЕВ

Адрес: Possev-Verlag, 623 Frankfurt/Main - Sossenheim, Flurscheideweg 5.

Почтов. ящик: 6 Frankfurt/Main, Postamt 1, Postfach 2786.

Telegramm-Adresse: Posseverlag, Frankfurt/M. Postscheckkonto: Frankfurt/M. 33461, Bankkonto: Nassauische Sparkasse, Frankfurt/M. Nr. 11504.

Издает еженедельник «Посев», журнал литературы, искусства, науки и общественно-политической мысли «Грани» и художественную и общественно-политическую литературу.

При издательстве — книжный магазин. Проспекты и каталоги высылаются бесплатно.

АВСТРАЛИЯ

„Possev“,
Post Office, Carrum, Victoria.
Mr. A. Veremeeff,
8 Abingdon St., W-Gabba.
Brisbane, Qld.

АВСТРИЯ

Wien, Postamt 76, Postfach 40.

АНГЛИЯ

V. V. Baratschevsky,
23, Alder Grove, London N. W. 2.

АРГЕНТИНА

N. Momot, Casilla de correo 2585,
Buenos Aires.

БЕЛГИЯ

E. Drevinsky, B. P. 259, Bruxelles.

БРАЗИЛИЯ

I. Alexandrow, Av. Lavandiska, 648.
Indianapolis, Sao Paulo.

ВЕНЕСУЭЛА

N. Drosdovsky, Apartado correo 4665,
Caracas-Este.

ГОЛЛАНДИЯ

A. Kandaurov, Postbus 325, Rotterdam.

ГРЕЦИЯ

Firma Anna Mazarakis & Co.
Athènes. Patission 9.
Solonique, Anguelakopoulou-Zakharopoulou,
Nea Magalou Alexandrou 41.

ДАНИЯ

D. Schewitsch, Nerthavej 2. B,
Köbenhavn-Charl.

ИЗРАИЛЬ

M. Kabiri, 5, Giveath-Koach str.
Kiriath-Shalom, Tel-Aviv.

ИСПАНИЯ

Don Miguel Jurenlsky-Kolchin,
Padilla, 55, Madrid.

ИТАЛИЯ

A. Konovets, Casella Postale 429.
Roma, Centro.

КАНАДА

A. Romar, 1420, Bernard str. Outremont,
Montreal.

МАЛАЙЯ

M. Tairow, 43, Stevens Road, Singapore.

МАРОККО

Mr. T. Moudrow, Cité de Bournazel. Imm. 14.
App-t 11A, Casablanca.

НОРВЕГИЯ

Fedor Tarakanow, Krusesgt. 5. B, Oslo.

США

Mr. A. P. Studentzoff, 340 Liberty ave.
Brooklyn 7, N. Y.
Mr. A. Tzvikeych, 2314 - 25th. Avenue,
San Francisco, 16, California.
Tel. SE 1-0339.
A. Selsky, 5527-41 Ave., Kenosha, Wis.
B. M. Burkovsky, 1327 W. Marino st.
West Covina, Calif.

ТУРЦИЯ

Mr. Nadir Bek, Aya Andreyas Binasl
Mumma ne caddesi No. 109
Galata-Istanbul.

ФРАНЦИЯ

„Le Semis“, Société d'Édition
125, rue du Théâtre, Paris 15e.
N. Altoff c/o M-me Barge, 6, Place de la
Croix-Rousse, Lyon (Rhône).
A. K. Lavroff, 2, rue de la Moselle,
Nivange (Moselle).

ШВЕЙЦАРИЯ

Leo Grossen, Postfach, Locarno.

ШВЕЦИЯ

Tidskriften „Possev“, Box 4054.
Södertälje 4.

ЯПОНИЯ

Mr. A. Bakulevsky, 437 - Ival - cho,
Hodogaya-ku, Yokohama.

Einzelpreise — DM 0.80

Цена еженедельника «Посев» с 1.1.62 г. в розничной продаже: Германия — 0,80 н.м.; Австралия — 1 шилл. 10 пенсов; Австрия — 4,50 шилл.; Англия — 1 шилл. 5 пенс.; Аргентина — 8 песо; Бельгия — 9,50 фр.; Бразилия — 50 крузейро; Венесуэла — 0,90 боливар; Голландия — 0,70 гульдена; Греция — 5 драхм; Дания — 1,40 кроны; Израиль — 0,25 фунта; Иран — 8 риалов; Испания — 8 песет; Италия — 100 лир; Канада — 30 центов; Марокко — 80 франков; Норвегия — 1,3 кроны; США — 30 центов; Турция — 1 лира; Франция — 0,90 н. франка; Чили — 150 песо; Швейцария — 0,85 франка; Швеция — 1 крона.

Ныне действует для объявлений в Германии тариф № 2: страница — 1000 н.м.; 3/4 — 725 н.м.; 1/2 — 550 н.м.; 1/4 — 300 н.м.; 1/8 — 160 н.м. Условия подписки на еженедельник «Посев» и журнал «Грани» в Германии:

«Посев»: на 3 месяца — 9,10, на полгода — 18,20, на год — 36,40.

«Грани»: Отдельный экземпляр — 6,00, годовая подписка — 20,00.

Цены указаны в немецких марках.

ИНОСТРАННЫЙ МИР И МЫ

Переворот в Ираке

Бое произошло в духе лучших традиций южноамериканских «пронунсиаменто». В пятницу 8 февраля багдадское радио в 7 часов утра в выпуске последних известий преспокойно сообщало о том, что премьер-министр Касем посетил городские предместья. В девять утра радио замолкло. Затем, в половине десятого радио заговорило снова: послышались военные марши и призывы к армии и населению присоединиться к «революционному совету». Одновременно сообщалось, что воинские части бомбардировали министерство обороны — штаб-квартиру Касема, что «тиран ликвидирован», его правительство свергнуто и что вся власть в руках «революционного совета».

Во главе последнего стоит 35-летний полковник Абдул Керим Мустафа. «Революционный совет» объявил, что целями нового правительства являются единство всех арабов, тесный союз с Насером, установление в Ираке демократии, признание национальных прав за курдами, нейтралитет во внешней политике. В течение дня 8 февраля по багдадскому радио оглашались приветствия и изъявления лояльности новой власти со стороны отдельных губернаторов, иракской авиации, одной пехотной, одной бронетанковой дивизии и военной разведки.

Президентом республики объявлен Абдул Салам Ариф, бывший ближайшим сотрудником Касема, но уже в 1958 году выступивший против него, заключенный за это в тюрьму, приговоренный к смертной казни и, затем, в 1961 году вновь выпущенный на свободу.

Председатель совета министров в новом правительстве — полковник Ахмед Хаоан Векр. Большая часть членов нового кабинета — военные, рьяные сторонники Насера и убежденные антикоммунисты. В правительство входят также члены социалистической партии и два курда, что указывает на стремление новой власти заручиться поддержкой курдского меньшинства.

Арестовано около шестисот сторонников свергнутого диктатора Касема.

10 февраля багдадское радио сообщило, что группа коммунистов пыталась оказать сопротивление новому режиму. В связи с этим правительство издало декрет о суровейших репрессиях против коммунистов вплоть до расстрела.

Новое иракское правительство признали уже все арабские страны и Югославия.

Граничащие с Ираком государства — Турция, Сирия, Иордания, Саудовская Аравия и Иран приняли меры предосторожности: их воинские части в приграничных местностях приведены в состояние боевой готовности.

Непосредственным поводом к перевороту, как передают, было новое заигрывание Касема с коммунистами, вызванное прозябанием ему со стороны националистов опасностью. Так, незадолго до переворота Касем сместил с должностей пятьдесят восемь националистически настроенных офицеров и заменил их дружинами, сочувствующими коммунистам.

Пока пишутся эти строки, в обстановке в Ираке есть еще неясности. Судя по всему, переворот совершен авиацией, бомбардировавшей министерство обороны. Первоначальное сообщение о «ликвидации» Касема было расшифровано уже 9 февраля. Багдадское радио сообщило, что он уцелел при бомбардировке, но был захвачен, приговорен военным судом к расстрелу и 9 февраля расстрелян вместе с двумя своими помощниками.

Сейчас в стране постепенно восстанавливается нормальное положение. С 11 февраля вновь открыты школы. Возобновлено железнодорожное и воздушное сообщение. Комендантский час сохраняется только на время темноты.

Как утверждают проживающие в Каире в изгнании иракские политики, за спинами заговорщиков стоит командир 11-ой бригады генерал Абдель Гани эль Рави, чья семья, расположенная вблизи Багдада, сыграла главную роль в революции 1958 года.

Для того, чтобы лучше понять, почему кончена политическая роль режима Касема, который рухнул, как пыльное дерево, — несмотря на честолюбие, энер-

гию и способность к маневрам и интригам бывшего диктатора, — следует осветить в памяти предысторию событий.

Генерал Касем был главным действующим лицом революции 14 июля 1958 года, приведшей к гибели молодого короля Фейсала, к низвержению хашемитской династии и провозглашению республики.

Революция была делом рук крайних националистов. Говоря по справедливости, иракская монархия не заслужила столь трагического конца: худо ли, плохо ли, но в Ираке функционировал парламентарный строй, существовала известная свобода печати и партий, в стране наблюдался медленный, но неуклонный экономический и культурный подъем. Но монархия не могла разрешить социальных противоречий, не могла провести земельной реформы, вела прозападную внешнюю политику и была тесно связана с англичанами. Националисты свергли монархию во имя арабского единства, социальной справедливости и нейтралитета во внешней политике. Человеком, которого они признали своим вождем, был генерал Касем, доселе мало кому известный офицер генерального штаба, дивизионный командир.

Кроме националистов, однако, вышли на поверхность, воспользовавшись революцией, и другие политические силы.

Образовалась «национально-демократическая партия», объединяющая прогрессивно-левые элементы, принципиально враждебные всякой диктатуре.

Усилились, превратившись в хорошо организованное движение, коммунисты, охватившие своим влиянием часть рабочих, но, главным образом, «интеллигентный пролетариат».

Заявили о своем праве на самоопределение курды, проживающие на севере страны. Их политическая организация — «курдская демократическая партия» одно время пользовалась поддержкой коммунистов, но затем потеряла ее, т. к. «лучшим друзьям курдского народа» показалось невыгодным раздражать арабов.

Генерал Касем, став у власти, очень быстро отмежевался от выдвигавших его националистов, и попеременно заигрывая то с национал-демократами, то с коммунистами, установил режим личной диктатуры и навлек на себя гнев Насера, совсем не то ожидавшего от революции. Пока «кредит доверия» не был израсходован, массы поддерживали диктатора, ожидая, что он выполнит обещания, звучавшие одно заманчивее другого.

Но разочарованные националисты не замедлили приступить к действиям. Уже в марте 1959 года они подняли восстание в Мосуле, взбунтовав тамошний гарнизон. Восстание было подавлено: массы, еще верившие Касему, не примкнули к восставшим. Касем заручился тогда такой поддержкой коммунистов, что одно время казалось, что Ирак вот-вот превратится в «народную демократию». (Один погибший во время того восстания полковник и казненный Касемом генерал в первых же эмиссиях багдадского радио 8 февраля объявлены теперь «национальными мучениками»).

Блок Касем — коммунисты просуществовал недолго: в июне 1959 года коммунисты в свою очередь подняли восстание, которое Касему удалось подавить с помощью армии. После этого компартия была фактически запрещена, так как под именем легальной «коммунистической партии Ирака» была властями признана немногочисленная и невлиятельная «титовская» группировка.

Тем не менее, Касем не решился прямо обвинить коммунистов в организации восстания, а говорил о каких-то мифических «анархистах», которых поддерживали «западные империалисты».

7 октября 1959 года националисты призвали покушение на Касема, изрешетив пулями автомобиль, в котором он сидел. Диктатор был серьезно ранен и вышел из больницы лишь через 2 месяца. Но с тех пор он перестал открыто показываться, затворившись, как в бункере, в здании министерства обороны.

В 1960 году началось восстание курдов, которым Касем, несмотря на все первоначальные обещания, так и не дал

национальной автономии. Армия, где лучшие офицеры — курды, оказалась не в состоянии оправиться с восстанием. Больше того: лишенные какой бы то ни было заграничной поддержки (и «Запад» и «Восток» сошлись на том, что ради дружбы с арабами курдами можно пренебречь), курды свое оружие добывали... у той же армии! Все, что мог Касем сделать — это подвергать бомбардировке с воздуха курдские села.

Все обещания, данные Касемом народу, на поверку оказались блефом. На спех и неумело проведенная земельная реформа не подняла материального уровня крестьян. Сельское хозяйство находится в застое. Гигантские ирригационные сооружения, которыми похвально Касем, в действительности были запланированы еще при монархии; то же можно сказать и о большинстве построенных после 1958 года фабрик, университетских зданий, больниц. При этом Касем не может оговариваться недостатком средств: в июле 1958 года он застал государственную казну в блестящем состоянии, и, к тому же, ежегодно государству поступают за счет нефтяных приисков доходы на сумму, превышающую миллиард новых рублей.

Еще два обстоятельства содействовали тому, что иракский диктатор «потерял лицо»: во-первых, ему не удалось справиться с курдами, и на все его предложения амнистии при условии прекращения борьбы последние отвечали отказом.

Во-вторых, Касем посулил захват Кувейта, предъявил соответствующий ультиматум, поднял большой пропагандный шум и остался ни с чем, понеся лишь конфуз.

Незадолго до переворота отношения между Касемом и Насером вновь необычайно обострились в результате того, что один из сотрудников египетского посольства был выслан за участие в подпольной деятельности иракских панарабских националистов.

Иракская газета «Аль Джухтуриа» тогда писала: «Единственная возможность положить конец подобной деятельности в Ираке заключается в полном разрыве дипломатических отношений с Каиром».

С другой стороны, египетская газета «Аль Ахрам» писала: «Касем стремится спровоцировать Каир на разрыв дипломатических отношений с Ираком, потому что убежден, что посольство ОАР в Багдаде было источником информации о недавних беспорядках и волнениях среди арабских студентов. Кроме того, возможно, что режим Касема намечает проведение жестких мер и репрессий против населения Ирака».

Ливанская газета «Аль Хайат» тогда же писала: «Период перемирия между Ираком и Египтом очевидно пришел к концу. Это стало особенно ясным, когда на прошлой неделе возникли новые трения из-за высылки египетского дипломата из Багдада. В ближайшем будущем можно ожидать новой, еще более интенсивной кампании взаимных нападок между Багдадом и Каиром».

Все это писалось буквально накануне переворота. Трудно сомневаться в том, что какие-то нити тянутся из Багдада в Каир, особенно, если учесть, что тактика заговоров и покушений для Насера отнюдь не в новинку: достаточно напомнить обстрел самолета короля Иордании, переворот в Йемене и неудачный заговор на жизнь тунисского президента Бургибы.

Теперь панарабисты победили, но другой вопрос — насколько прочна их победа.

Прежде всего: Ирак — не чисто арабская страна. Четверть его населения — курды, народ иранского происхождения. Удельный вес курдов в Ираке, к тому же, превышает значение, на которое они могли бы рассчитывать, исходя из своей численности: в администрации и, в особенности, в офицерском корпусе процент курдов чрезвычайно высок. Панарабизм для курдов — угроза того, что их национальные стремления не будут удовлетворены.

То, что в новом правительстве два курда, не снимает тяжести проблемы. Во-вторых, значительная часть нае-

ления Ирака — мусульмане шиитского толка. Панарабизм, базирующийся на Египте, — это в основном движение мусульман-суннитов. Известна глубокая, доходящая до взаимной ненависти рознь между суннитами и шиитами. Между тем, как показала практика режима Насера, угнетающего в Египте крупное (2 миллиона человек) христианское меньшинство монофизитов-коптов, панарабизм свойственна не только национальная, но и религиозная нетерпимость. Из-за этого иракские шииты, как и христиане (150 тысяч человек православных, католиков, несториан, монофизитов), вряд ли поддержат панарабистов.

Политическая партия христиан и шиитов — это национальные демократы. Сперва они поддерживали Касема, но лотом перешли в оппозицию, т. к. Касем не выполнил своего обещания установить в Ираке демократический строй, в котором национал-демократы видят правое меньшинство. Совершенно ясно, что панарабисты, несмотря на все свои сегодняшние обещания, столь же мало расположены предоставить населению Ирака демократические свободы, как и свергнутый ими Касем.

Как и в самом Египте, диктатура панарабистов в Ираке будет диктатурой меньшинства. Но если в Египте боль-

шинство никогда не было политически организовано (старые партии — вафд, либералы и пр., ограничивая свое влияние имущими слоями, не имели корней в массах, почему Насер и справился с ними без особого труда), то в Ираке панарабистам противостоят движения исторически сложившиеся и, в какой-то мере, массовые.

Иракские коммунисты, которым переворот нанес серьезный удар, в свою очередь развернули пропагандную деятельность против нового правительства, ратуя, по-видимому, за создание «народного фронта» (коммунисты, национал-демократы, курды).

С другой стороны советская печать ведет себя исключительно осторожно, давая лапидарные сообщения об иракских событиях без всяких комментариев.

Гражданская война в Ираке создала опасное положение на всем Ближнем Востоке. А так, как в наши дни нет изолированных очагов кризиса, то мир мог бы оказаться перед новой угрозой. Ведь нельзя же поручиться, что КПСС не решится в таком случае протянуть «братскую руку помощи» народу Ирака. Из-за этого следует приветствовать сообщения о наступающем в стране умиротворении.

А. Н.

Разногласица в шведской КП

Конфликт КПСС—КПК, захвативший ныне все «международное рабочее и коммунистическое движение», отозвался на компартиях скандинавских стран по-разному. Финская и датская партии (последняя не без долгих колебаний) приняли сторону КПСС. Норвежская склоняется к КПК. Что же касается шведской компартии, то она просто-напросто перестала функционировать как единое политическое целое — не столько по вине низовых партийцев, сколько по вине растерявшегося и фактически распавшегося руководства.

Это руководство, по причине внутренних разногласий, до сих пор избегает занять какую-либо определенную позицию в конфликте и отделяется (как мы увидим ниже) экивоками и намеками.

Лидеры же КПСС, хотя и весьма невысоко расценивают способности «шведских руководящих товарищей», все же требуют от них недвусмысленных слов и жестов в свою пользу: сейчас каждый голос в «братской семье» что-нибудь да весит. Последнее такое требование было поставлено руководству шведской компартии незадолго до VI съезда СЕПГ в Восточном Берлине.

«Шведские товарищи» согласились на требование с тяжелым сердцем, да и то ограничились полумерой: в Берлин был послан Гуннар Эман, человек, которому — пользуясь выражением Хрущева — уже давно «пора с ярмарки», и чье нынешнее влияние в партии весьма мало. Дело в том, что в настоящее время шведская партия распалась на несколько течений, сходящихся, однако, на том, что не следует слишком привязывать себя к колеснице Хрущева.

Наиболее крупные из течений — гетеборгская и стокольмская группы, из которых вторая, в свою очередь, распадается на подгруппы. Гетеборгская группа определенно «левой» окраски и почти полностью поддерживает установку КПК. Среди ее лидеров Нильс Хольмберг, лишь в конце прошлого года вернувшийся из КНР после двухлетнего там пребывания, и Нильс Бенгтссон, член контрольной комиссии ЦК. Гетеборгская группа неоднократно настаивала и настаивает на более тесных и неприкрытых связях шведской компартии с КПК.

Стокольмская группа включает всех старых партийных лидеров. Председатель партии Хилдинг Хагберг, его сын Гарри, партийный теоретик Кнут Бокстрем, ветераны партии Фритёф Лагер и уже упомянутый Гуннар Эман считают, что нельзя ни осуждать открыто КПСС, ни критиковать КПК.

К самой «прокитайской» подгруппе в Стокольме принадлежат Камма Лагер и Пер Эрикссон. Последний, однако, не во всем поддерживает КПК. Недавно он заявил, что конфликт КПСС—КПК весьма прискорбное явление, и что «китайским товарищам», хотя они и правы в вопросе о Тито, все же не следовало бы выпасть в сталинизм и догматизм.

Третья подгруппа стоит на позициях полного нейтралитета. В ее рядах главный редактор центральной партийной газеты «Нью даг» Германссон и «восходящая звезда» на партийном горизонте, лидер стокольмской парторганизации Аксель Янссон. Не примыкая ни к одной из сторон, они информируют о конфликте КПСС—КПК с редкой в коммунистической среде объективностью и вместе с руководством Итальянской компартии считают, что разногласия следует урегулировать в закрытых дискуссиях.

Все названные лица, принадлежа к руководству, занимают в партийной иерархии значительные посты.

Ввиду воплывшей в их среде разногласицы они предпочли бы подождать с формулировкой окончательной точки зрения на конфликт КПСС—КПК. Однако на них давят низовые парторганизации, требуя — во избежание еще большего разброда — ясных, недвусмысленных указаний. Эти участвовавшие в требованиях привели к тому, что 28 января для их обсуждения собрался исполком партии. В результате этого совещания низовым парторганизациям было разослано циркулярное письмо. Но с этим письмом связаны два весьма странных обстоятельства.

Во-первых, оно издано не от имени исполкома; его подписал лишь Нильс Хольмберг, руководитель отдела кадров ЦК. Во-вторых, его тема не советско-китайский конфликт, а... китайско-индийский. Разъясняя этот конфликт, письмо полностью принимает сторону КПК, что, разумеется, нельзя не рассматривать, как скрытый афронт в адрес КПСС. Военные действия в Гималаях изображаются в письме как следствие индийской агрессии: не согласившись на решение конфликта путем переговоров, Неру показал, что он — агрессор.

В письме также содержится резкая критика государственного и общественного устройства Индии; несмотря на все заверения Неру, — говорится в письме, — в Индии капитализм, а не социализм. Втянув народ в войну с КНР, Неру действовал в интересах отечественных монополистов и американских империалистов.

Рассылая такой циркуляр, шведское руководство, судя по всему, стремилось и невинность соблести и капитал приобрести.

Если «советские товарищи» выразят свое недовольство, то оно им ответит, что письмо — не официальный документ, а частное высказывание Нильса Хольмберга, который-де не является авторитетным партийным руководителем и не может быть объективным вследствие своих давних связей с КПК.

С другой стороны, «товарищи из провинции», требовавшие руководящих указаний, могут быть до некоторой степени удовлетворены: они их получили, хотя и в завуалированной форме.

У. ПАВЛЕНКО

Разъяснительные письма КПК и КПСС всем компартиям

В западной печати появилось содержание письма, которое в середине января руководство КПК отправило всем находящимся у власти компартиям, включая КПСС. Сообщают, что в этом письме сорок три страницы. «Китайские товарищи» обвиняют руководство КПСС в трусости, проявившейся во время кубинского кризиса, в том, что лозунгом мирного сосуществования она оказывает поддержку Западу и в том, что после смерти Сталина она начала кампанию против китайского народа.

В письме также излагается история взаимоотношений СССР—КНР. В этом (втором) обширном разделе письма указывается на то, что в довоенное время советское правительство не оказало КПК достаточной помощи, а вместо этого эффективно поддерживало Чан Кай-ши, даже когда он отказался от общего фронта с коммунистами. Период 1949—1956 гг. изображается в письме как время, когда коммунистический Китай получил от СССР и других коммунистических стран обильную и важную помощь. Но затем, утверждается в письме, «по распоряжению некоторых людей в Москве и других местах было задержано развитие промышленных возможностей Китая, так как этих людей всегда путало количественное превосходство китайского народа».

В третьем разделе письма руководство КПК обвиняет все коммунистические государства, входящие в ООН, в том, что они не делали и не делают всего, что нужно, чтобы представители КНР заняли в ООН «принадлежащее им по праву место».

Четвертый раздел письма касается СКЮ. Югославская компартия называется не коммунистической, а «правотроцкистской». Югославия, говорится в письме, всецело находится в руках англо-американских капиталистов. Попутно, в пятом разделе, руководство КПСС обвиняется в том, что оно готово отдать Албанию Западу и предоставило Тито полную свободу действий в Албании.

В шестом разделе письма разъясняет.

ся, что военные действия в Гималаях, предпринятые руководством КПК, не были агрессией.

Седьмой раздел посвящен кубинскому кризису. Здесь вновь утверждается, что советские руководители — трусы, попавшиеся на американский блеф. «Это отступление — говорится в письме — ослабило социалистический режим на Кубе и подорвало престиж социалистических стран в Южной Америке».

Письмо заканчивается предложением провести конференцию представителей всех коммунистических стран, с участием Албании и Югославии.

По словам английских газет, руководство КПСС разослало 27 января всем компартиям ответное письмо на двадцать семи страницах. В этом письме отвергаются обвинения, выдвинутые КПК, и содержится угроза приостановить всякую экономическую помощь КНР.

«Если КНР — говорится в письме — не прекратит нападки на СССР и его союзников, то СССР будет вынужден прервать все экономические связи с Китаем», поскольку эти нападки и разнузданные оскорбления вредят Советскому Союзу и его союзникам и нарушают их международные соглашения».

Значительная часть письма посвящена советской экономической помощи КНР. Общая сумма этой помощи за период 1950—1961 гг. оценивается в 34 миллиарда рублей. За советский счет в КНР построено 14 авиационных и 39 оружейных заводов. Вся эта помощь принималась в КНР как должное, и в конце концов породила «смешную манию величия». Китайское руководство, говорится далее в письме, игнорировало советы КПСС при проведении коллективизации и в результате «народные коммуны» в КНР больше напоминают опыты коммун во время Французской революции, чем достижения XX века.

В заключение «китайские товарищи» призывают осознать свои заблуждения.

А. Д.

Пути „Феникса“ за рубежом

Тот экземпляр подпольного молодежного журнала «Феникс», который совершил длинный путь от Москвы до Западной Европы, не сгорел для дела борьбы. Попав в редакцию «Граней», «Феникс» снова восстал из пепла — был целиком напечатан в 52-ом номере журнала.

Вместе с каждым экземпляром журнала голоса молодых российских поэтов разносятся по самым отдаленным уголкам мира, к подписчикам «Граней» не только в Германии, Англии, Франции, но и в США, Канаде, Южной Америке, Австралии, Японии и т. д.

Но не только в печатанном виде распространялся «Феникс». Начались успешные выступления, популяризирующие имена поэтов и их произведения. Первый доклад с художественным чтением состоялся в помещении издательства «Посев» во Франкфурте (докладчик Н. Тарасова, чтецы Мария Смирнова и Михаил Балмашев). Вечер вызвал оживленный обмен мнениями.

Затем редакция «Граней» организовала в Париже пресс-конференцию с сообщением о «Фениксе». Ряд иностранных газет (английских, швейцарских, французских, немецких) поместили статьи о московских молодых поэтах. Иностранные радиостанции на русском языке «Свобода» и «Голос Америки» делали специальные передачи для СССР. Русская радиостанция «Свободная Россия» дала ряд передач. Южнонемецкая радиостанция в своих передачах противопоставляла молодежную нелегальную оппозицию (поэты «Феникса») — легальной (гостившему в те дни в Западной Германии поэту Евгению Евтушенко).

Затем маленький «ансамбль» в составе докладчика Н. Тарасовой и артистов М. Смирновой и М. Балмашева отправился в турне Париж—Брюссель с докладом в первом отделении вечера и художественным чтением стихов «Феникса» во втором.

Если в первой части вечера обрисовывался облик нового поколения России, его запросы, характер и стремления, то

во второй раздавались живые голоса этой молодежи, яркие, свежие, талантливые, передаваемые искренним и горячим чтением артистов, отнесшимся к своей задаче с большой чуткостью, тонким пониманием и любовью.

И в Париже, и в Брюсселе среди слушателей было много молодежи, нашедшей в стихах своих российских сверстников немало общего со своими мыслями. Таким образом, молодежь России протянула руку молодежи эмиграции и встретила горячее пожатие. Среднее поколение, испытывавшее на себе всю тяжесть советской власти, удивлялось новым детям России, а старшее, изувеченное в возможности воскрешения России, и радовалось, и с трудом верило своим ушам.

Маленькая группа, взявшая на себя задачу непосредственного ознакомления людей с молодой российской сменой, в обеих столицах была встречена в высшей степени тепло и по-дружески. Можно только приветствовать такое начинание и по возможности его расширять. Ту же роль сыграл и вечер журнала «Граней», устроенный в Нью-Йорке, на котором тоже читались стихи из «Феникса» и отрывки из «Сказания о синей мухе».

52-ая книга «Граней» в рецензиях и в откликах читателей признается одной из самых удачных за все годы существования журнала. Эти отклики лишь подтверждают огромный и серьезный интерес русской эмиграции к судьбе России, ее любви к родине. Голоса молодых московских поэтов-революционеров, преследуемых властью, одинаково проникновенно воспринимаются читателями и слушателями разных поколений и разных взглядов. В эмиграции «Феникс» нашел тот же отклик, что и в России.

52-ая книга «Граней» была выпущена увеличенным тиражом, но и его оказалось недостаточно: он расходится с необычайной быстротой.

Б. Н.

Е. Н. НЕЛЕДИНСКИЙ

23 января 1963 года в Нью-Йорке скончался бывший сотрудник «Посева» Евгений Николаевич Нелединский. После войны его имя (литературный псевдоним Евг. Шугаев) часто встречалось в печати. Я познакомился с ним в Гамбурге, где редактировал еженедельник «Путь». Евгений Николаевич начал сотрудничать в «Пути».

В доме на улице Миттельвег, где издавался «Путь», был русский политический и культурный центр. В доме этом находился Гамбургский комитет помощи русским беженцам и русская художественная школа. Редакционные совещания «Пути» были неким литературно-политическим клубом, постоянным участником которого и был Евгений Николаевич. Его выступления нередко бывали спорны, но всегда интересны. В них всегда была живая, новая мысль. Дискуссии наши часто принимали характер горячий, даже ожесточенный, но никогда не отражались на личных отношениях участников.

В США я встречался в Евгением Николаевичем реже, чем в Германии, и не раз вспоминали мы Гамбург и все, что связано с ним. Для него гамбургский период жизни был периодом напряженного творчества. Наш скромный «Путь» и его литературно-политическое приложение были только первой ступенью, первым этапом. Скоро появились его большие статьи в «Посеве» и среди них блестящая статья «Гимн ненависти» — о Коммунистическом манифесте и марксизме вообще, как идеологии ненависти. Давно работая над критикой марксизма, он посвятил этому вопросу и другие свои труды. Человек широкого кругозора, он интересовался не одной политикой. Вопросы науки и искусства увлекали его еще больше. В 4 книжке «Грани» была его статья «Музыкальная жизнь Америки», а в 5 книжке статья «Кризис современной архитектуры».

Одновременно занимался он переводами. В его переводе, в издательстве «Посев», вскоре после войны вышла книга испанского философа Ортега-и-Гассета «Восстание масс».

Евгений Николаевич, — пскович по рождению, офицер Белой армии, затем студент Пражского университета, архитектор по образованию, публицист, — по духу своему был европейцем. Он знал несколько языков, следил за тем новым, что появлялось в те годы в Европе в области социологии, истории, философии. И совсем по-юношески увлекался новой книгой, новой идеей, спорил, горячился. В то время ему было за шестьдесят, а он мог часами гулять по живо-

писным берегам гамбургского Альстера, и на вопрос спутника, куда моложе его годами: «А не устали ли вы, Евгений Николаевич?», шуточно отвечал вопросом: «А не вы ли устали?».

В Америку он приехал лет двенадцать назад, и первое время был по-прежнему бодр. Жил в Нью-Йорке. Посещал политические собрания, литературные вечера, бывал у друзей и знакомых, особенно часто у покойного В. Г. Костецкого. И мог пройти, удивляя новых знакомых, десятки нью-йоркских кварталов. Потом уехал в Вашингтон, где преподавал русский язык. Уйдя на пенсию, снова вернулся в Нью-Йорк, и здесь его будто подменили. Как это бывает иногда с людьми здоровыми, занимавшимися спортом, никогда не болевшими, сдал как-то сразу, изменился и внешне и внутренне. Исключительно мрачно смотрел он на недуги американской демократии. Слишком даже мрачно, потому что считал их неизлечимыми. Но во всяком случае всегда старался посмотреть в глубину явлений и событий.

Материально в Америке он никогда не нуждался, и ценил эту сторону американской жизни, ее технические достижения. Но не материальное было главным в его жизни, а как раз главного ему не хватало.

Переехав в Америку, он продолжал заниматься переводами: переводил для Чеховского издательства. Продолжал начатую еще в Европе работу над книгами английского историка Тойнби, договаривался с «Посевом» об издании одной из книг, но так, кажется, и не закончил перевода. Мало писал, по крайней мере имя Евг. Шугаева не появлялось в печати, как в послевоенное пятилетие. Во время редких встреч наших в Нью-Йорке он все вспоминал те годы творческого подъема.

Большинство людей, подобно многим растениям, могут расти на любой почве, и чем земля лучше удобрена, тем быстрее наливаются они жизненными соками. А есть люди, которые, подобно горным кустарникам, цепляющимся сухими корнями за отвесную скалу, в горном воздухе только и могут жить. Евгений Николаевич был европейцем и русским интеллигентом, интеллектуалом, как он говорил, и легко дышалось ему только европейским воздухом, хотя было тогда и холодно, и голодно, и тревожно. Кроме того, он по-настоящему был смелым человеком. А умер в дали далекой, за океаном.

Поклонимся же все, кто знал его, еще одной русской могиле на нерусской земле.

В. САМАРИН

23 января 1963 года скончался долголетний сотрудник еженедельника «Посев» и журнала «Грани»

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ НЕЛЕДИНСКИЙ
(Евг. Шугаев),

о чем с чувством глубокой утраты сообщают
редакции «Посева» и журнала «Грани»

ПОПРАВКА

В «Посеве» № 6 (873) от 8 февраля 1963 года на странице 12 в заметке раздела «Отовсюду» о конфликте КПК—КПСС ошибочно упомянута коммунистическая Корея. Следует читать: «Коммунистический Вьетнам».

Русский инженер, 38 лет, хотел бы начать переписку с русской интересной девушкой или дамой от 22 до 34 лет с целью брака. Просьба писать: Алексей фон Трой (Mr. A. von Troy, P.O. Box 22.014, San Francisco 22, Calif. (U.S.A.)), приложив свою фотокарточку.

Отец разыскивает Ивана Алексеевича Каралева, род. 5 мал 1925 г. в Воронежской области. Последнее местожительство: Новошахтинск. Писать в «Посев» для № 876.

Интел. русская, 59 лет, ищет в спутники жизни русского или украинца, интел., хорошего человека, порядочного, непьющего. Писать в «Посев» для Клавдии Петровны.

В нашем издательстве выходит новая книга с произведениями автора, живущего в Советском Союзе

ВАЛЕРИЙ ТАРСИС

Снавание о синей мухе * Красное и черное

Оба произведения пересланы за границу нелегально.

В книге 168 стр. Цена 9 марок 80 пфеннигов.

Заказывайте в издательстве «Посев»:

Possev-Verlag, 623 Frankfurt/M. - Sossenheim, Flurscheideweg 5
и у его представителей в разных странах

МАРК ИЛОВАЙСКИЙ

СТИХИ

В сборнике стихотворения 1928—1960 годов.

Книга в хорошем льняном переплете с золотым тиснением.

Заказывайте в книжном магазине издательства «Посев» и у его представителей в различных странах.

Подписка на журнал „ГРАНИ“

Подписку на журнал можно осуществить непосредственно присылкой чека или почтовым переводом по адресу издательства:

Possev-Verlag, 623 Frankfurt/Main - Sossenheim, Flurscheideweg 5

или у представителей в разных странах (адреса их см. в любом номере еженедельника «Посев»)

Стоимость журнала

Страна	В розничной продаже	Подписка на 4 номера
США и Канада	в долларах 1,75	6,00
Германия	в марках 6,00	20,00
Франция	во франках 7,50	25,00
Англия	в шиллингах 10,10	1/16/-

В остальных странах мира стоимость журнала — эквивалент нем. марок

Жертвуйте на радиовещание НТС

ОТ КОМИССИИ ПО СБОРУ СРЕДСТВ

Сообщаем о вновь поступивших пожертвованиях. Пожертвования прислали:

ИЗ ФРАНЦИИ	Франки	ИЗ АВСТРАЛИИ	Фунты
Друзья из Нильванжа через А. К. Лаврова (январь)	30	Надежда Мейер	6.13
Друг с юга Франции	50	ИЗ США (Калифорния)	Доллары
ИЗ ШВЕЦИИ	Шв. кроны	А. А. О.	5
А. П. Т.	110	Собрано на докладе С. П. Рождественского в Менло Парк	18
ИЗ ГЕРМАНИИ	Нем. марки	П. Н. Р.	3
М. Н. З.	150	Рабочий с аэродрома	2
Собрано на докладе Р. Н. Р.	13.50	Собрано в Лос-Анжелосе	20
А. Г. Б.	20	А. М. Кривошеев	3
		Е. Е.	2
		О. К.	2
		С. Сергеев	1
		С продажи радиоиниуток	10

Комиссия приносит всем жертвователям глубокую благодарность

Комиссия по сбору средств на радиостанцию «Свободная Россия» в Чикаго под руководством А. Э. Беренда устроила в январе 1963 г. лотерею, давшую, несмотря на плохую погоду и сильные морозы, которые мешали распространению билетов перед церквями, 118 ам. долларов и 1 канадский доллар.

Центральная Комиссия приносит благодарность устроителям лотереи и Все-славянскому издательству в Нью-Йорке, пожертвовавшему ценные книги для розыгрыша.

СОБРАННЫЕ СРЕДСТВА ПРОСИМ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ:

Schweiz, Schweizerischer Bankverein, Basel, Konto Nr. 461 971, с пометкой für NTS — „Freies Rußland“ или:

Deutschland, Pacht Frankfurt/Main, Postscheckkonto Nr. 122002 (Russländische Solidarieten — NTS в. V.), с пометкой für Sender „Freies Rußland“.